

УДК 947.083.71(571.16)

В.П. Андреев

**ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ ПОСЁЛКИ КОЛЫОНСКОЙ ВОЛОСТИ:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ
В НАЧАЛЕ XX в.**

Переселенческие посёлки в Мариинском уезде к 1911 г. стали доминирующим видом поселений, в Колыонской волости их было семь. В Государственном архиве Томской области сохранились списки крестьян-переселенцев, подлежащих водворению. Многие из них имели необходимые средства для обзаведения на новом месте. Переселение видоизменило крестьянскую стратегию выживания, фатальной осталась зависимость результатов труда от климатических условий. По прошествии 3–4 лет новосёлы сравнивались с основной массой переселенцев, но уровень их хозяйственной состоятельности был ниже, чем у старожилов. Значительным оставалось число безлошадных хозяйств.

Ключевые слова: переселение, Мариинский уезд, поселения.

В конце XIX в. произошли заметные изменения в переселенческой политике самодержавия – от запретительной, разрешительной, к поощрительной, с преобладанием экономических мер, что сопровождалось новой волной крестьян-переселенцев, сообщения о сказочно богатом крае, не знавшем помещика, подвигли целые хутора к переселению в надежде на лучшую долю, на возможность свободно хозяйствовать на вольных землях. Столыпинская аграрная реформа облегчила процедуру выхода из общины, была связана с разработкой переселенческого законодательства, выделением фонда земель для переселенческих участков.

Под заселение передавались земли, не занятые в предыдущие годы, но порою малопригодные для хлебопашества. Судя по «Спискам населённых мест Томской губернии за 1911 г.» переселенческие участки в Мариинском уезде стали доминирующим видом сельских поселений. От 10 до 15 новых посёлков появилось в Барановской, Дмитриевской, Златогорской, Зырянской волостях. Их возникновение отвечало стремлениям новоселов быть ближе к обрабатываемым угодьям. Сеть новых поселений стала фактором освоения новых территорий и в Колыонской волости. Она занимала северо-западную часть уезда, рельеф местности преимущественно равнинный. Преобладающий тип почвы – лесные суглинки, подзолы, характерные для подтаёжной зоны, с немногочисленными участками черноземов. Доминирующий тип растительности – суходольно-березовые леса. Расселение вдоль рек Яя, Бекет, Кабидат, Китат обеспечивало крестьян пойменными землями, удобными для ведения сельского хозяйства, развитая система рек способствовала долинно-приречному типу заселения.

Ограничение предмета изучения переселенческими посёлками Колыонской волости, его сужение и локализация позволяют, на наш взгляд, решать традиционные и новые исследовательские задачи. Локальный подход даёт возможность показать взаимодействие явлений и процессов экономического

и социокультурного порядка, влияние природно-климатического фактора на локальный социум.

Заселение переселенческих посёлков началось ещё в конце XIX в., но наибольший приток составили так называемые «столыпинские переселенцы». Сохранившиеся в госархиве Томской области проходные свидетельства, протоколы водворения дают представление о местах их выхода – Витебская, Могилёвская, Минская, Черниговская, Курская губернии. Среди них и «Проходное переселенческое свидетельство Ф.К. Плюшанкова» от 3 марта 1908 г. (деда по матери), крестьянина деревни Рямшино, Сенинского уезда Могилёвской губернии. Сохранился «Список подлежащих к водворению в пос. Павловский», где значится и Ф.К. Плюшанков [1. С. 3–9, 13, 18, 41–42]. Он оказался среди той части ходоков, которым повезло, удалось зачислить за собой землю, а многие сходили в Сибирь безрезультатно. От его поездки во многом зависела удача переселения родственников, односельчан. Как правило, ходоками были толковые рассудительные мужики, которые при выборе места поселения не полагались на чьи-то рассказы, не доверяли случайным советам, а сами доезжали до места поселения и осматривали его. Необходимо было не только осмотреть переселенческий участок, но и приглядеться, как живут другие новосёлы, какая земля, какое хозяйство, промыслы. Следовало прицениться к товарам повседневного обихода, орудиям труда, прикинуть, что взять с собой, а что лучше купить на месте. Ф.К. Плюшанков справился с этой задачей.

Вслед за ним из Белоруссии переехали три родных брата и сестра, они обосновались в Павловке, соседних посёлках, ближе к выходцам из Витебской и Могилёвской губерний. В выборе места сыграли свою роль сходные природные условия, наличие земель, родственные, земляческие связи – жить среди чужих трудно на первых порах. Окружающее население выделяло белорусов из общей массы переселенцев, называя их «витебщиной», «могилями». Связи с родственниками, оставшимися в Белоруссии, не поддерживались, дети считали себя русскими, не помнили своей исторической родины.

Переселение было делом сложным и трудным, не случайно росло число «обратных» переселенцев. Адаптация к сибирским природно-климатическим условиям, слабая поддержка переселенцев со стороны государства, другие причины обусловили исключительные трудности хозяйственного обустройства новосёлов. Особенно тяжёлыми для переселенцев были первые годы пребывания в Сибири. Успех переселения в немалой степени зависел от размера привезённых с собой средств, от экономического положения на родине. Переселенцы из западных губерний, где было распространено подворное землепользование, продав землю на родине, имели определенный стартовый капитал. В целом немногие из переселенцев имели необходимые средства для обустройства на новом месте. К 1911 г. затруднительными стали условия причисления к старожильческим поселениям – приемный договор возрос с 40 до 100 руб., на обустройство в лесостепной зоне надо было иметь до 250 руб., в лесной – до 400 руб. [2. С. 53].

В условиях массовой миграции цены на сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот быстро стали расти. Так, цена лошади в Мариинском уез-

де в 1912 г. составляла от 40 до 80 руб., коровы – от 22 до 55 руб., овцы – до 6 руб., свиньи – до 10 руб., а средний размер водворения переселенца в северную часть Мариинского уезда в 1911 г. составлял 47 руб. (в Тобольской – 78, Иркутской – 82 руб.). Данное положение было закреплено законом о выдаче ссуд на хозяйственное обустройство от 5 июля 1912 г., который устанавливал зависимость размера ссуды от степени освоения территории – Алтайский округ, часть Каинского и Томского уездов попали в бессудную зону [3. С. 74–76].

Немалая часть переселенцев вынуждена была идти в батраки к старожилам или ранее переселившимся. Само переселение лишь видоизменило известную крестьянскую «стратегию», смыслом которой всегда являлось выживание, обеспечение существования семьи. Фатальной оставалась зависимость результатов крестьянского труда от природно-климатических условий, «страдной» оставалась трудовая ориентация на максимум возможного. По сути, ситуация непредсказуемости традиционного хозяйствования на земле формировала некий фатализм – работа на пределе возможного, «самоэксплуатация» были не соизмеримы с их компенсацией.

Семейный быт отличался замкнутостью, сохранялись патриархальные устои. Семья являлась основой жизненного уклада, её важнейшими признаками были общее хозяйство, коллективная собственность на подворье, семейное имущество, совместный труд и совместное потребление. Крестьянская семья соединяла в себе производственные и репродуктивные функции, которые являлись как бы продолжением одна другой. Общей приметой были большие, по современным масштабам, семьи, что определялось высокой рождаемостью, укладом жизни. Наличие большого числа рабочих рук в значительной мере обеспечивало благосостояние в тех экономических условиях. По мнению В.А. Зверева, сибирская крестьянская семья мало отличалась по людности от таковой в Европейской России, по переписи 1897 г. – 5,7 души, в 1917 г. – 6,1 души [4. С. 35]. Многодетность по традиции являлась нормой, ориентиром, а многолюдность – залогом успеха хозяйства. В переселенческих посёлках доминирующими были одно-двухпоколенные семьи, о чём свидетельствуют проходные свидетельства и списки подлежащих водворению, отложившиеся в архивах. Приезжали и многодетные семьи, у которых было четверо-пятеро, даже шесть-семь детей [1. С. 35–36].

Мужской пол в переселенческих посёлках преобладал над женским, что вообще характерно для колонизируемых территорий. Следует иметь в виду, что мальчиков рождается больше, чем девочек.

Достаточно быстро возникали так называемые «сводные» семьи из неженатых и женатых детей от одной супружеской пары, ведущих общее хозяйство, но если позволяли условия, происходил распад таких семей, молодые создавали собственное хозяйство. Трёхпоколенных семей в переселенческих посёлках было меньше, чем в старожильческих. Домохозяйства в 1–2 человека в посёлках были редкостью, их число существенно выросло в связи с призывом в армию после августа 1914 г. Семейная жизнь моего деда началась с коллизии, первый брак уже после рождения сына-первенца был расторгнут, поскольку выяснилось, что он со старшим братом (у того уже

было двое детей) женаты на родных сёстрах, что не допускалось православной традицией. Дети от второго брака Федор, Семён, Анна, Вера, Ольга родились с первенцем отца – Геннадием.

Обеспеченность землёй была выше, чем в Европейской России, по нашим подсчётам, этот показатель по Колыонской волости превышал 12 десятин, в переселенческих посёлках: Новоалгашский – 13,6, Громышевский – 16,2, Новопокровский – 17,1, Павловский – около 19 десятин, в деревнях соответственно: Новоорловке – 7,2, Бекет – 15,1, Покровке – 17,2, в селе Колыон – 10,02 десятины [5. С. 443]. Там, где количество земли превышало норму в 15 десятин, общество обязано было допринять переселенцев. Нет сведений о размерах пашенных земель. Надо иметь в виду, что земледелие носило экстенсивный характер, часть пашенной земли находилась под паром, «отдыхала». Распаханные участки 2–3 года засеивались хлебом, затем на год оставлялись под пар, после чего вновь засеивали на год-два и опять оставляли под пар, истощённые земли бросались в залежь.

Из посевных культур преобладали рожь, ячмень, овёс, гречиха, лен. На приусадебных участках росли лук, огурцы, редька, свёкла, морковь, капуста, стабильными были урожаи картофеля, который был «вторым хлебом», местность была достаточно благоприятной для его выращивания. Подсобное значение имели охота, рыбалка, пчеловодство. Подспорьем был сбор лесных ягод – смородины, черники, малины. Переселенцы западных губерний быстро оценили колбу, научились заготавливать её впрок. В целом питание переселенцев было хуже, нежели старожилов, в рационе которых было гораздо больше белков и жиров, о чём свидетельствуют данные губернской статистики. Питание переселенцев улучшалось после 5–6 лет после переезда, росла обеспеченность хозяйств молочным скотом, что давало важную часть продуктов питания. Какая-то часть молока сдавалась сборщикам на масло за деньги либо на товары. В Сибири наблюдался «бум» маслоделия, что, правда, мало коснулось отдалённых переселенческих посёлков. В выигрышном положении оказались близлежащие к Транссибу селения, где животноводство было ориентировано на рынок.

Уровень хозяйственной состоятельности определялся рядом факторов: временем проживания на месте водворения, развитием товарно-денежных отношений, применением наёмного труда, использованием более совершенного сельскохозяйственного инвентаря и т.д. Известно, что лишь по прошествии 3–4 лет новоселы сравнивались с основной массой переселенческих хозяйств. В целом по Колыонской волости в 1913 г. на 1213 хозяйств приходилось 3385 лошадей, 4035 голов крупного рогатого скота, озимыми засеивалось 4972 дес., яровыми – 2585 дес. Посевные площади на душу составляли 73 дес. [6. С. 7].

При оценке уровня хозяйственной состоятельности селян информативны материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. К сожалению, отложившиеся архивные данные по Колыонской волости не отличаются полнотой. Используем данные по соседней Барандатской волости того же уезда, обработанные с помощью ЭВМ. Из 181 двора 26 были беспосевными, 123 двора были малопосевными (от 1 до 5 десятин), 17 дворов имели

от 5 до 10 десятин, и только 6 – от 10 до 12 десятин. Соответственно 11 дворов были безлошадными, 38 – однолошадными, 63 двора имели 2 лошади, 51 двор имел по 3–4 лошади, 6–10 лошадей имели лишь 4 двора [7. С. 122].

По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., в Мариинском уезде на 43720 крестьянских дворов приходилось 24285 однолемешных плугов, 126 сеялок, 56640 железных борон, 659 косилок, 595 конных граблей, 173 сноповязалки, 41 лобогрейка, 3214 молотилок, 7610 веялок. Число рабочих лошадей в Мариинском уезде – 90655 [8. С. 28, 80], чуть более 2 на хозяйство – показатель низкой обеспеченности рабочим скотом, учитывая, что сибирские почвы тяжелые, особенно в первые годы их разработки.

Природные условия благоприятствовали развитию животноводства, но число дойных коров в уезде составляло 68956 (полторы головы на двор), численность свиней – 114407, овец – 218707 (тоже не густо). Число безземельных хозяйств – 2382, а прибегавших к найму – 3858 [8. С. 28, 80]. В какой-то мере это связано с начавшейся мировой войной, но вопрос об уровне развития сельского хозяйства накануне 1917 г. требует дополнительного изучения.

Томским переселенческим управлением строились дороги, гидротехнические сооружения, на переселенческих участках велось церковно-школьное строительство. По официальным данным, в 1911 г. лишь в 3 деревнях и 2 посёлках Колыонской волости имелись одноклассные училища. Они содержались в основном за счет крестьянских обществ. Отметим утилитаризм программ сельских начальных школ – не предусматривалось овладение основами знаний для продолжения учебы, давались элементарные навыки письма, чтения, счета. В Колыоне действовали сельское училище для мальчиков и второклассная школа, готовившая учительниц для школ грамоты. При школе имелись библиотека, физический кабинет, 50 десятин земли, на которых были заведены сад и огород [5. С. 443; 10. С. 132–133].

В переселенческих посёлках не было лечебных учреждений, ближайшая сельская лечебница была в селе Ишим Томского уезда. По линии губернского переселенческого управления в Мариинском уезде действовало 4 врачебных пункта [5. С. 443]. Абсолютное большинство сельчан никогда не видели врача, не знали фельдшера, занимались самолечением или обращались к знахаркам. Квалифицированную медицинскую помощь можно было получить за сотню вёрст в Томске.

В развитии рыночных отношений переселенческая деревня отставала от старожильской, непосредственное влияние на динамику этого процесса оказывали неравные стартовые условия. Торговая сеть переселенческих посёлков Колыонской волости не удовлетворяла спрос, находилась в зачаточном состоянии. За повседневными товарами (чай, спички, керосин) приходилось выезжать за пределы своих селений. Ближайшие ярмарки в Колыоне и Ишиме функционировали в строго определённые сроки, базары являлись более доступной формой сбыта крестьянской продукции. Не получила развитие снабженческо-сбытовая кооперация, сбывать свою продукцию новосёлам приходилось в притрактовых сёлах, реже – в губернском и уездном центрах, до которых было более 120 вёрст. Важным районом сбыта становились

быстро растущие Анжерские и Судженские копи, находившиеся на расстоянии 50–60 вёрст. Наиболее предприимчивые направлялись в отдалённые посёлки золотоискателей, чаще всего зимой, санным путём.

Удалённость переселенческого участка от транспортных путей, губернского и уездного центров затрудняла втягивание новосёлов в товарное производство и региональную систему рыночных связей. Средний показатель удалённости переселенческих участков от транспортных узлов в Томской губернии составлял 122 версты, от крупных городов – около 170 верст [10. С. 86].

Поездки с целью сбыта произведённой продукции отрывали крестьян от дома, что чаще всего делалось в свободное от полевых работ время. Массовый сбыт сельхозпродукции носил сезонный характер. Продажа хлеба начиналась с конца сентября, достигая пика в ноябре–декабре. После массового забоя скота начиналась реализация мяса, сала, кож и овчин. Весной крестьянская торговля затухала, уменьшалась продажа скота, продукции животноводства. Ходовым товаром на рынках, особенно осенью и зимой, являлись дрова.

На базары съезжались ремесленники с товарами, ориентированными на спрос сельских жителей. Основные покупки крестьян на базарах состояли из одежды, обуви, сельхозинвентаря, главным образом ремесленного и кустарного производства. Базары стали наиболее доступной формой торговли, которая была тесно связана с крестьянским хозяйством.

Можно говорить о притоке в сибирскую деревню свежих сил с высоким уровнем адаптивного потенциала, основанного на традициях крестьянства западных губерний. На начальном этапе расселения переселенческим этногруппам было свойственно этническое единение, которое выливалось в совместное расселение, попытки образования моноэтнических селений. Практически сразу начался процесс межэтнической интеграции, хозяйственного и культурного взаимодействия с окружающими этносами, в ходе которого шли ассимиляционные процессы. Сложнее устанавливались отношения со старожилами, можно говорить об определённом дистанцировании старожилов и новоселов, со временем началось сближение, само деление нивелировалось в процессе социокультурной ассимиляции.

В Сибирь приезжали отнюдь не забытые, недалёкие люди – такие не смогли бы прижиться в нелёгких сибирских условиях. Многие новосёлы отличались мастеровитостью, знали ремёсла, полезные соседям, как, например, мой дед Ф.К. Плюшанков был портным, его швейная ножная машинка «Зингер» была, в значительной мере, основой существования семьи. Немалая часть единоличных хозяйств обнаружила неспособность адаптироваться к сложившимся условиям, вынуждена была искать заработок на стороне, пополняла ряды наёмной рабочей силы. Возрастающую роль играло отходничество, главным образом в зимнее время, мужчины уходили на заготовку леса, зимнюю рыбалку, на строительные работы, на железнодорожные станции, угольные копи, на прииски, что обеспечивало дополнительный заработок. Главы семейств, уходя на заработки, устранились от ведения хозяйства. Возвращались не только с дополнительным заработком, но и знанием иной жизни, иной среды, полезными трудовыми навыками, которые могли пригодиться и в собственном хозяйстве.

Жители переселенческих посёлков, как и другие крестьяне, осознавали себя членами сельской общины, конкретного мира, а «мир» представлялся в качестве автономной, поземельной общины. Сельский сход включал домохозяев, избирал старосту. Волостной сход включал в себя волостного старшину, его помощника, старост селений и по одному выборному от каждого десятка дворов. Волость, как единица административного управления в Сибири, находилась под надзором крестьянских начальников.

Начавшаяся мировая война тяжело отразилась на развитии сибирской деревни, по официальным данным, посевные площади в Томской губернии сократились почти на треть, заметно уменьшилось поголовье скота, значительная часть наиболее здоровых и работоспособных мужчин была призвана в армию, их заменили женщины, старики, дети.

Дальнейшая судьба переселенческих посёлков оказалась драматичной. Революция 1917 г., Гражданская война, нэп, затем – коллективизация. Многие семьи были раскулачены, другие успели уехать на новостройки Кузбасса, затеряться на просторах Сибири. Вследствие постоянного оттока населения большинство поселков переселенцев бывшей Колыонской волости теперь не существуют. Из оставшихся Громышевка (Зырянский район Томской области) и Ольговка, Новоорловка, Новопокровка – Ижморский район Кемеровской области. Если в 1911 г. в Ольговке проживал 571 чел., то в 1958 г. – только 294 чел., т.е. в два раза меньше. В деревне имелись клуб, библиотека, восьмилетняя школа. Более чем наполовину сократилось население Новопокровки и Новоорловки [11. С. 125–126, 130]. После 1991 г., в ходе «рыночных реформ» и они обезлюдели, закрылись школы, клубы, медпункты. Усилия нескольких поколений крестьян-переселенцев по освоению этих территорий оказались перечёркнутыми.

Литература

1. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 196. Оп. 15. Д. 1858.
2. Справочная книга для ходоков и переселенцев на 1911 г. СПб., 1911.
3. Сельскохозяйственный обзор по Томской губернии за 1913 г. Томск, 1913.
4. Зверев В.А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири: Учебное пособие. Новосибирск, 1998.
5. Список населенных мест Томской губернии за 1911 г. Томск, 1911.
6. Томская губерния. Статистический очерк. Томск, 1917.
7. Бауфал А.М., Горюшкин Л.М. Золототрубов В.С., Островский И.В., Рябоконев А.Н. Материалы переписи 1916 г. по Томской губернии. Из опыта обработки ЭВМ. Новосибирск, 1969.
8. Нагнибеда В.Я. Организация Всероссийской переписи 1917 г. в Алтайско-Томской части Сибири. Томск, 1920.
9. Гизей Ю.Ю., Смокотина Л.П. Подготовка сельских учительниц Колыонской второй-классной школой // Сибирь в истории России. К 100-летию З.Г. Карпенко. Кемерово, 2006.
10. Разгон В.Н., Пожарская К.А. Расселение и обеспечение столыпинских переселенцев в Алтайском округе. Анализ базы данных переселенческих участков, образованных в 1907–1912 гг. // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX вв. Барнаул, 2006.
11. Мытарев А.А. От Абы до Яи. Географический словарь Кузбасса. Кемерово, 1970. С. 125, 126, 130.